МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Н. Ю. Силаев

ПРЕДЕЛЫ НОРМАЛИЗАЦИИ: РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ГРУЗИИ

Силаев Николай Юрьевич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается влияние парламентских выборов в Грузии в октябре 2016 г. на российско-грузинские отношения. В результате выборов, на которых с большим преимуществом победила правящая партия «Грузинская мечта», нынешний курс Тбилиси в отношении Москвы не будет подвергнут резкому пересмотру. В то же время политика «Грузинской мечты» будет менее гибкой, чем ранее. Это сделает более очевидными пределы российско-грузинской нормализации.

Ключевые слова: Россия, Грузия, Южный Кавказ, российско-грузинские отношения.

В октябре 2016 г. прошли выборы в парламент Грузии. Убедительную победу на них одержала партия «Грузинская мечта». По итогам второго тура выборов в мажоритарных округах (30 октября) она получит конституционное большинство (115 мест в парламенте из 150). Грузия — парламентская республика, и правительство, которое сформирует «Грузинская мечта», будет определять основные направления внутренней и внешней политики страны в ближайшие четыре года.

За четыре года до этого приход к власти «Грузинской мечты» — тогда представлявшей собой рыхлую коалицию, включавшую разные политические и идеологические группы, от либералов до левых и консерваторов, — привел к повороту в российско-грузинских отношениях. На смену острой конфронтации пришла осторожная и постепенная нормализация отношений.

Политические противоречия между Россией и Грузией известны. Россия признает независимость Абхазии и Южной Осетии в границах соответствующих автономий советского времени. Грузия же считает их частью своей территории, ныне оккупированной Россией; такой подход зафиксирован юридически — в законе об оккупированных территориях, принятом парламентом Грузии 23 октября 2008 г. Россия считает расширение НАТО на восток, а также продвижение военной инфраструктуры третьих стран к своим границам угрозой безопасности; Москва неоднократно подтверждала и словом, и действием, что предпримет любые шаги, включая прямое или косвенное применение вооруженных сил, чтобы не допустить осуществления этой угрозы. Грузия же считает интеграцию в НАТО приоритетом своей внешней политики.

Таких противоречий достаточно, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь конструктивными отношения между двумя странами. Тем более что огромный диспаритет их военно-политических потенциалов не дает им пространства для торга и разменов. Грузия не может создать для России угрозу или предложить ей преимущество такого масштаба, чтобы побудить ее пойти на уступки.

Парадокс состоит в том, что в последние четыре года отношения между Москвой и Тбилиси постепенно улучшались. Это улучшение затронуло самые разные сферы, начиная от торговли и заканчивая безопасностью. Причем, в отличие от периода российско-американской перезагрузки 2009–2011 гг., когда российско-грузинские отношения были наихудшими за всю исто-

рию, их улучшение в последние четыре года совпало по времени с наиболее драматичным со времен «холодной войны» обострением отношений между Россией и Западом. Это показывает определенную независимость грузинской политики в отношении России и российской — в отношении Грузии от российско-западного контекста — контраст с предшествующим историческим периодом, когда Грузия была полностью погружена в этот контекст. То, что двусторонние отношения Москвы и Тбилиси в значительной степени выведены за скобки противостояния между Россией и США с их союзниками, нужно назвать важнейшим достижением политиков и дипломатов двух стран.

Вопрос состоит в том, как именно достигнут этот результат, в какой мере он устойчив и от чего зависит продолжение и углубление политики нормализации двусторонних отношений?

Итоги выборов

Главный итог последних парламентских выборов для «Грузинской мечты» состоит в консолидации ее власти. В прошлом ее руководство (прежде всего, неформальный лидер партии, богатейший человек Грузии Бидзина Иванишвили) было вынуждено в той или иной мере учитывать мнение партнеров по коалиции. Особенно это касалось Республиканской партии, которая, обладая минимальной поддержкой избирателей, контролировала должности председателя парламента и министра обороны. Источник силы республиканцев состоял в хороших связях на Западе и репутации наиболее последовательных (и при этом не скандальных, как бывший президент Михаил Саакашвили) сторонников сближения Грузии и Запада. Их участие в коалиции «Грузинская мечта» было своеобразным подтверждением ее прозападного курса, «сертификатом соответствия».

Республиканская партия Грузии, которая участвовала в парламентских выборах вне коалиций, набрала 1,55 % голосов избирателей. Примечательно, что столь скромный результат получила политическая сила, представители которой на протяжении четырех лет перед выборами имели парламентскую и правительственную трибуну и могли рассчитывать на свою долю административного ресурса. Республиканская партия также считает себя старейшей в Грузии, ее функционеры утверждают, что она была основана в 1978 г. [2, р. 115]. Республиканцы занимают важное место в сфере политической экспертизы в Грузии, можно сказать, что западные дипломаты и ученые международники смотрят на страну их глазами.

Низкий результат получила и другая партия, в прошлом входившая в состав коалиции «Грузинская мечта» и идеологически близкая к республиканцам, — «Свободные демократы» Ираклия Аласания (менее 5 % голосов).

Это не означает, что в грузинском обществе утрачивает популярность Запад как важнейший внешнеполитический ориентир. И «Грузинская мечта», и крупнейшая оппозиционная партия «Единое национальное движение» не подвергают сомнению курс на интеграцию в НАТО и сближение с ЕС. Не выступает против этого курса и консервативный «Альянс патриотов» — третья партия, попавшая в новый состав парламента. Но в условиях, когда внешнеполитическая программа большинства партий практически одинакова, избиратели не склонны разбираться в деталях политической позиции мелких либеральных партий, отдавая предпочтение мейнстриму. «Грузинская мечта» в ходе кампании старалась представить себя выразителем наиболее широкого спектра существующих в обществе идеологий. Это сближает ее (естественно, при сохранении существенных отличий) с явлением партий власти в других постсоветских странах (подробнее об этом явлении см. [5]). Она настаивала на своей последовательно прозападной позиции, демонстрируя при этом подчеркнутое уважение в отношении национальной культуры и ценностей, — эту черту политической риторики премьер-министра Георгия Квирикашвили, с которым «Мечта» пришла к победе на выборах, отметил грузинский публицист Дмитрий Мониава [7]. Критика курса на сближение с ЕС в Грузии нередко ведется с позиции защиты нравственности. И «Грузинская мечта» предложила избирателям, если угодно, европейский выбор без «брюссельских излишеств».

Получив конституционное большинство по итогам выборов, «Грузинская мечта» продемонстрировала западным союзникам Грузии, что она, во-первых, является наиболее влиятельной политической силой в стране, и, во-вторых, не нуждается в партнерах, которые «проверяли» бы и подтверждали ее приверженность ориентированному на Запад внешнеполитическому курсу. Однако в своем новом статусе она может быть в некоторых отношениях более уязвима, чем это было ранее.

В парламентскую каденцию 2012–2016 гг. идеологически невнятная «Грузинская мечта» могла поддерживать неопределенность, когда ей это было выгодно. Ее партнеры — мелкие либеральные партии — отвечали в правящей коалиции за то, чтобы быть не менее прозападными, чем оппозиционное «Единое национальное движение». Их инициативы, вроде размещения тренировочного лагеря Сирийской свободной армии в Грузии [1] или обращенные к мировому сообществу призывы «бороться с российской агрессией» [3], позволяли коалиции подчеркивать лояльность Соединенным Штатам (не отдавая ЕНД монополию на таковую). В то же время эти заявления и жесты не выглядели консолидированной позицией всей «Грузинской мечты», и поэтому не слишком угрожали нормализации отношений с Россией. Тем более что в составе правящей коалиции присутствовал и прямо противоположный идеологический полюс. Так, весной 2016 г. депутат от «Мечты» Тамаз Мечиаури заявил, что Грузии не следует вступать в НАТО [6].

В новых условиях «Грузинская мечта» едва ли сможет проявлять такую идеологическую широту. В коалиции подобный разлет мнений может быть терпим, но внутри одной партии он свидетельствует о глубоком расколе. Возможно, политические менеджеры «Мечты» исходят из того, что их партия выиграла выборы, избавившись от крайностей, то есть выйдя из коалиции с партнерами как резко прозападной, так и резко антизападной ориентации. Пока не ясно, станет ли этот акцент на «умеренности» источником силы для правящей партии, или она будет вынуждена постепенно смещаться к одному или другому полюсу. То есть жертвовать нормализацией отношений с Россией, чтобы не дать своим оппонентам из ЕНД превратиться в «самых прозападных», или, напротив, вызывать подозрения в Брюсселе и Вашингтоне своим «чрезмерно мягким» подходом в отношении Москвы.

«Единое национальное движение» сохранило положение крупнейшей оппозиционной силы. Хотя его популярность снизилась по сравнению с выборами 2012 г., а присутствие в парламенте сократилось¹, говорить о закате партии рано. Она получила в пять раз больше голосов избирателей, чем вышедший на третье место «Альянс патриотов». Отколовшиеся от ЕНД политики, выступавшие на выборах в составе других партий, не получили сколько-нибудь существенного успеха.

ЕНД отстаивает такой политический курс, который был бы максимально враждебен по отношению к России. Ее сравнительно высокий результат на парламентских выборах показывает, что подобный курс пользуется поддержкой значительной части грузинских избирателей. Хотя ЕНД не сможет влиять на формирование правительства и на его курс, она, обладая статусом второй по величине парламентской партии, будет подрывать инициативы, направленные на улучшение российско-грузинских отношений.

Присутствие в парламенте консервативного «Альянса патриотов» имеет символическое значение: политическая сила, придерживающаяся евроскептических взглядов, получила парламентскую трибуну. Две другие парламентские партии, используя свои медийные ресурсы, по-видимому, будут представлять эту силу маргиналами, случайно попавшими в парламент. Вызов для «Альянса» состоит в том, сумеет ли он расширить базу своей поддержки, несмотря на давление со стороны «Мечты» и ЕНД, и превратить свои идеологические лозунги в более или менее рациональную политическую программу.

Плоды нормализации

С 2012 до 2015 гг. российско-грузинский товарооборот вырос в полтора раза: с 523 до 790 млн долл. Этот рост был достигнут благодаря восстановлению торгово-экономических связей начиная с 2013 г. Грузинский экспорт в Россию после быстрого роста пережил падение в 2015 г. Но в первые шесть месяцев 2016 г. рост экспорта возобновился — на 16 %, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. По объему купленных грузинских товаров (162 млн долл. в 2015 г.) Россия занимает место одного из крупнейших торговых партнеров Грузии, уступая только Азербайджану и Армении. Хотя в российско-грузинской торговле у Грузии дефицит (в 2015 г. ее импорт из России превысил экспорт в Россию на 463 млн долл.). Однако этот дефицит компенсируется как денежными переводами из России, так и доходами, которые приносит стремительный рост числа российских туристов, посещающих Грузию.

¹ 8 октября 2016 г. за список кандидатов ЕНД проголосовали 477 053 человек (27,11 %). Результат «Грузинской мечты» — 865 638 человек (48,68 %). Третья партия, вошедшая в парламент, «Альянс патриотов», получила 88 091 голос (5,01 %). На парламентских выборах 2012 г. «Грузинскую мечту» выбрали 1 181 862 человек (54,97 %), ЕНД — 867 432 человек (40,34 %).

В 2015 г. число российских туристов достигло 950 тыс. человек, в 2016 г. их ожидается более 1 млн. Можно предположить, что популярность грузинского направления у российских отдыхающих косвенно будет способствовать и росту грузинского экспорта в Россию. Появляющаяся мода на грузинское, в частности быстро растущие сети грузинских ресторанов в российских городах, толкнет вверх спрос на товары из Грузии.

Несмотря на политические разногласия, Москва и Тбилиси ведут предельно аккуратную политику в торговой сфере. Россия не стала вводить ограничения на импорт товаров из Грузии после того, как последняя подписала соглашение об ассоциации с ЕС, включающее режим свободной торговли. В свою очередь грузинские власти эффективно предотвращают попытки провезти через территорию Грузии в Россию товары из стран, на которые российское руководство наложило экономические санкции (страны Европейского Союза и Турция). Грузия присоединилась к санкциям, которые были наложены Западом на Россию после присоединения Крыма, но не поддержала более жесткие санкции ЕС, объявленные летом 2014 г.

Торгово-экономическим отношениям между Россией и Грузией свойственен тот же диспаритет, который характеризует и их отношения в других сферах. В то время как для Грузии Россия — один из ключевых торговых партнеров, покупателей ее товаров, в масштабах российской экономики экспорт в Грузию невелик. В то же время опыт эмбарго, наложенного в прошлом десятилетии российской стороной на поставки товаров из Грузии, показал, что подобные меры неэффективны с точки зрения политических задач, которые перед ними ставились. Поддерживая и развивая взаимную торговлю и экономическое сотрудничество на других направлениях, Москва и Тбилиси тем самым создают коалицию интересов в пользу нормализации двусторонних отношений и расширяют двустороннюю повестку дня, что способствует постепенному росту доверия и взаимопонимания. Растущий товарооборот и иные проявления экономического сотрудничества создают своего рода позитивную инерцию в российско-грузинских отношениях, которая, как можно предположить, препятствует их откату к состоянию до 2012 г.

Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, убедившись в том, что обеспечить их безопасность после войны в августе 2008 г. невозможно в рамках многосторонней дипломатии [4, с. 64–65]. С сентября 2008 г., в ответ на этот шаг, Тбилиси разорвал дипломатические отношения с Москвой. По соглашению от 4 марта 2009 г. между Россией и Швейцарией последняя представляет интересы России в Грузии. Одновременно аналогичное соглашение с Швейцарией заключила и Грузия. С октября 2008 г. в соответствии с договоренностями Дмитрия Медведева и Никола Саркози открылись Женевские дискуссии о Закавказье — формат прямого диалога между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией при участии России и США и сопредседательстве ООН, ОБСЕ и ЕС. В повестке дня Женевских дискуссий стоят вопросы безопасности и гуманитарная проблематика.

Участникам дискуссий не удалось достичь соглашения о неприменении силы сторонами грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Грузия отказывается подписывать такое соглашение с Абхазией и Южной Осетией. Тбилиси настаивает на таком соглашении с Россией. Россия возражает против этого подхода, так как не считает себя стороной конфликта. Грузия делала односторонние заявления о неприменении силы, но абхазская и юго-осетинская стороны не считают эти заявления достаточной гарантией.

Обсуждение гуманитарных вопросов, то есть, в первую очередь, проблемы беженцев (внутренне перемещенных лиц, по версии грузинской стороны), покинувших Абхазию и Южную Осетию, в Женеве было заблокировано представителями двух частично признанных республик, которые категорически не согласны с вносимыми Грузией ежегодно с 2011 г. в Генеральную Ассамблею ООН проектами резолюций по вопросу о беженцах. Абхазская и юго-осетинская стороны, а также Россия считают эти резолюции необъективными, односторонними и крайне политизированными.

С декабря 2012 г. возник еще один переговорный формат с участием России и Грузии. Статс-секретарь — заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин и специальный представитель премьер-министра Грузии по отношениям с Россией Зураб Абашидзе встретились в Праге. В дальнейшем переговоры в этом формате продолжились, проходит несколько встреч в год. Стороны согласились, что в этом формате не обсуждаются вопросы Абхазии и Южной Осетии: Грузия считает для себя неприемлемым обсуждать их без участия западных дипломатов, Россия настаивает, что обе республики — независимые государства и без их участия обсуждать касающиеся их вопросы с третьими странами невозможно. Переговоры Карасина и Абашидзе также не предусматривают обсуждение военно-политического статуса

Грузии: Тбилиси полагает, что его планы интеграции в НАТО не подлежат дискуссии. На практике некоторые темы, касающиеся Абхазии и Южной Осетии, затрагиваются на переговорах в Праге. Например, Зураб Абашидзе поднимал вопрос об обустройстве границы Южной Осетии с Грузией, которую Москва и Цхинвал считают государственной, а Тбилиси — бывшей административной. Но в таких случаях обсуждение — в том числе и в плане протокольного оформления — выносится за рамки формата (ведется в перерывах между раундами переговоров).

Таким образом, наиболее болезненные вопросы в двусторонних отношениях — статус Абхазии и Южной Осетии и расширение НАТО на Кавказе — отделены от остальной тематики двусторонней повестки. Вопрос об Абхазии и Южной Осетии обсуждается в Женеве, вопрос о НАТО не обсуждается вовсе, все остальное стало предметом переговоров Карасина и Абашидзе. Тем самым наиболее болезненные вопросы российско-грузинских отношений изолированы от двусторонней повестки, и политические разногласия не подрывают нормализации в тех областях, где она возможна.

Кризис на Украине, реакция на него России и Запада, вступивших в наиболее острое политическое противостояние со времен «холодной войны», не подорвал российско-грузинскую нормализацию. Ранее Грузия и Украина традиционно играли смежные роли в стратегии США и ЕС на постсоветском пространстве. Они входили в блок ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) и поддерживали тесное сотрудничество в военной сфере, в том числе и во время войны августа 2008 г. [8]. Обе страны участвовали в программе «Восточное партнерство», и у них имелась потенциально широкая повестка для взаимодействия. Но в последние годы Тбилиси, поддерживая власти Украины в своей дипломатической риторике, почти не развивает отношения с Киевом. Россия же в свою очередь ведет различную торговую политику в отношении Украины и Грузии, хотя обе страны подписали соглашение о зоне свободной торговли с ЕС, имея аналогичный торговый режим с Россией.

Сотрудничеству Тбилиси и Киева очевидно препятствует внутривнутриполитическая ситуация на Украине, где несколько государственных постов занимают бывший президент Грузии Михаил Саакашвили и его соратники. Назначение Саакашвили, объявленного Грузией в розыск по линии Интерпола, главой Международного совета реформ на Украине, вызвало дипломатический скандал между двумя странами, как и его последующее назначение губернатором Одесской области. «Грузинская мечта» опасается, что свою политическую карьеру на Украине Саакашвили использует для возвращения к власти в Грузии. Сам Саакашвили поддерживал эти опасения во время предвыборной кампании, заявляя, что готовится вернуться в Тбилиси и возглавить страну.

Результаты парламентских выборов в Грузии не дают Саакашвили надежды на возвращение в Грузию. В то же время его позиции в украинской политике не ослабевают, и представители его команды сохраняют за собой государственные посты. Это означает, что условий для наращивания сотрудничества между Грузией и Украиной нет.

Можно также предположить, что нежелание конфронтации с Россией подталкивает Тбилиси и к тому, чтобы избегать чрезмерного сближения с Киевом. Наконец, неудачи украинских реформ и заметное недовольство Запада украинскими политиками заставляют Грузию дистанцироваться от Украины, стремиться, чтобы, по крайней мере, в Брюсселе две страны не рассматривались «в одном пакете».

Грузинские власти исключают из своего политического курса и другие направления, которые могут дополнительно осложнить отношения с Москвой. Практически свернута «новая северокавказская политика», которую объявил в последние годы своего правления М. Саакашвили, и которая состояла в активной антироссийской пропаганде, направленной на регион. Грузия оказала России помощь в обеспечении безопасности Олимпиады в Сочи. Представители грузинских властей, включая настроенную против двусторонней нормализации, если судить по ее заявлениям, бывшего министра обороны Тинатин Хидашели, осторожно подходят к чувствительным для России вопросам региональной политики. Например, они не форсировали военно-политическое сотрудничество с Турцией на фоне напряженных отношений Анкары и Москвы.

Победа «Грузинской мечты» на выборах в парламент консервирует тенденции, сложившиеся в российско-грузинских отношениях, на ближайшие четыре года. Грузинское руководство, вероятно, в наибольшей мере дорожит экономическими плодами российско-грузинской нормализации и приложит усилия для того, чтобы их сохранить и преумножить. Но оно не рискнет менять что-либо в своих подходах к вопросам безопасности и внешней политики. Курс Тбилиси

будет состоять в том, чтобы, не ссорясь с Москвой, продолжать, в какой мере это возможно, сближение с НАТО и Европейским Союзом. При этом в Грузии хорошо понимают, что перспективы членства в НАТО сомнительны. Но в нынешних условиях это можно счесть преимуществом: стране не нужно совершать шаг, который приведет к резкому ухудшению отношений с соседом.

Долгая оттепель

Устойчивы ли нынешние российско-грузинские отношения? С одной стороны, факторы, которые сделали возможной нормализацию между Москвой и Тбилиси в последние четыре года, могут быть долговременными. Обе страны нашли *modus vivendi*, при котором двусторонние отношения, не скатываясь к конфронтации и не становясь партнерскими и дружественными, могут продолжаться годами, если не десятилетиями.

Фатальной ошибкой прежних грузинских властей, приведшей, в частности, к катастрофе и трагедии 2008 г., была недооценка военно-политического и экономического потенциала России, а также устойчивости ее государственных структур и решимости ее политического руководства. По-видимому, лица, принимавшие решения в Тбилиси, действительно считывали, что Россия не сможет или не захочет осуществить эффективное вмешательство в Южной Осетии и тем самым лишится какой-либо самостоятельной роли в вопросах европейской и региональной безопасности. Вероятно, они строили свою политику после 2008 г. исходя из столь же серьезной уверенности в неминуемом скором крахе России. Правительство «Грузинской мечты» если и не избавилось от подобных взглядов, то по крайней мере не убеждено в их правоте настолько, чтобы предпринимать их практическую проверку. К тому же действия России в Крыму, промежуточные итоги конфликта на Донбассе, операция российских Воздушно-космических сил в Сирии демонстрируют ее возросшую мощь и косвенно повышают цену конфликта с ней для всех, кто мог бы быть заинтересован в таком конфликте. В таких условиях, по-видимому, любое правительство Грузии не будет склонно рисковать достигнутым «худым миром» с Россией.

В то же время Россия в военном или дипломатическом отношении вовлечена сразу в несколько конфликтов. Пока далек от урегулирования конфликт на востоке Украины. Конфликт в Сирии, где переплетены интересы крупнейших региональных и глобальных держав, требует от Москвы виртуозного применения вооруженных сил, разведки и дипломатии, задающего новое качество ее внешней политики. Весьма напряженными на протяжении нескольких месяцев оставались отношения России с Турцией. В начале апреля вспыхнули боевые действия в Нагорном Карабахе, создавшие угрозу безопасности и стабильности в непосредственной близости от российских границ. Все это заставляет Москву очень экономно и сдержанно подходить к своей политике на иных направлениях. Так, Россия категорически не заинтересована в новом обострении отношений с Тбилиси. Она не будет искать и дипломатических прорывов на грузинском направлении. По крайней мере, до тех пор не получили хотя бы промежуточного разрешения наиболее важные международные кризисы, в которые она вовлечена. Но Москва также будет дорожить плодами ограниченной российско-грузинской нормализации и постарается избежать ее подрыва.

Растущая торговля и другое экономическое сотрудничество, укрепляющиеся человеческие связи по обе стороны российско-грузинской границы, гуманитарный обмен сообщают нормализации инерцию, которая удерживает стороны от того, чтобы повернуть вспять. Однако в их нынешнем виде российско-грузинские отношения — не весна, а только долгая оттепель.

Трудность разрешения основных российско-грузинских политических противоречий заключается не столько в их содержании (Абхазия и Южная Осетия, НАТО), сколько в их структурном характере. Они по-прежнему, как и при Саакашвили, встроены в политические расколы более высокого порядка. Могут ли, к примеру, Соединенные Штаты публично отказаться от идеи принять Грузию в НАТО? Нет, потому что это будет равносильно открытому признанию, что у России имеется вето на расширение альянса. Хотя фактически такое вето у России есть: она не допустила членства в НАТО Украины и Грузии, — открытое признание этого со стороны Вашингтона означало бы недопустимое для него повышение геополитического статуса России, согласие с ее особой ролью на постсоветском пространстве. Для США сейчас подобные размены неприемлемы и с идеологической, и с практической (Вашингтон не верит в долгосрочное укрепление российской мощи) точек зрения.

Для России же суверенитет Абхазии и Южной Осетии ценен как подтверждение ее способности к полностью самостоятельным военно-политическим решениям за пределами ее собственных границ. Причем эта способность расценивается в Москве не как тешащий самолюбие имперский атрибут, а как один из несущих элементов ее собственной безопасности. Таков уникальный исторический опыт русских в XX в. Аксиома, вынесенная из этого опыта, требует не допускать непосредственного соседства с крупнейшим военным блоком мира. И если в Прибалтике такое соседство терпимо, так как в существующей конфигурации этот регион не имеет стратегической ценности для НАТО и практически не защищаем, то на Кавказе картина иная. Если вообразить крайне маловероятный сценарий, что Грузия откажется от Абхазии и Южной Осетии ради членства в НАТО (а с двумя спорными территориями в блок ее едва ли примут), у России останутся два сильных плацдарма по южную сторону Кавказа.

Грузия не может (во всяком случае, пока) выдвигать собственные инициативы по разрешению патовой ситуации. Скорее всего, даже обсуждение ее нейтрального статуса — один из путей к тому, чтобы линия бывших административных границ Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО перестала быть фактической военно-политической границей между Россией и Западом — будет истолковано в Вашингтоне как предательство или спланированная диверсия со стороны Москвы и повлечет за собой давление на грузинских политиков, которые в этой ситуации едва ли смогут рассчитывать на действенную поддержку России.

Очень высокое влияние Соединенных Штатов и структур НАТО на Грузию может стать одним из источников «заморозков» в российско-грузинских отношениях. Вопрос заключается в том: будут ли заинтересованы США в возникновении еще одной точки напряженности у границ России или предпочтут сохранить имеющийся статус-кво. Признаки возможных «заморозков» можно перечислить.

Во-первых, это активное продвижение темы Грузии как «прифронтовой страны» в политической риторике США и НАТО. Такая риторика помещает Грузию в один контекст с Украиной и странами Прибалтики и толкает ее к конфронтации с Россией.

Во-вторых, активизация двустороннего военного сотрудничества Грузии с США, помимо структур НАТО. Такое сотрудничество в большем или меньшем объеме поддерживается давно. В последние два года оно получило импульс с проведением в Грузии ежегодных двусторонних учений Noble Partner, целью которых было улучшение совместимости с Силами быстрого реагирования НАТО и которые включали в себя переброску американской военной техники в Грузию.

В-третьих, расширение сотрудничества Грузии с НАТО до того предела, когда грань между членством или нечленством страны в альянсе окажется размытой. НАТО не торопится принимать Грузию в свой состав, однако степень его вовлеченности в грузинские дела, а Грузии — во внутренние процессы альянса может однажды привести к тому, что собственно юридическая сторона их отношений уже не будет иметь политического значения. И НАТО де-факто возьмет на себя обязательства перед Грузией в опасной ситуации непосредственного соприкосновения с российской военной машиной на спорных территориях.

«Заморозков» не хотят ни в Москве, ни в Тбилиси. Правящие группы в Грузии в достаточной степени контролируют ситуацию в стране, чтобы проводить тот внешнеполитический курс, который они считают оптимальным; по итогам выборов этот контроль укрепился. В этих условиях перспективы российско-грузинских отношений в немалой степени зависят от неявного третьего участника — Соединенных Штатов.

The Limits of Normalization: Russian-Georgian Relations after the Parliamentary Elections in Georgia

Nikolai Silaev, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional
security, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Summary

The article analyzes the influence of the parliamentary elections in Georgia in October 2016 to Russian-Georgian relations. Ruling party "Georgian Dream" (GD) overwhelmingly won the elections and it shows that

the current policy towards Moscow will not be radically revisited. At the same time we can expect GD's policy will be less flexible, than it was before. So the limits of normalization between Russia and Georgia will be more evident.

Keywords: *Russia, Georgia, South Caucasus, Russian-Georgian relations.*

Литература / References

1. Hudson J. "Exclusive: Georgia Offers to Host Training Camp for Syrian Rebels" // Foreign Policy, 23 September, 2014. URL: http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2014/09/23/exclusive_georgia_offers_to_host_training_camp_for_syrian_rebels?utm_content=buffer7b0b3&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer
2. Jones S. Georgia: a Political History since Independence. London. 2013.
3. В МИД России отметили усиление антироссийской риторики в Грузии. — «Россия сегодня», 16 марта 2016 г. URL: <https://ria.ru/politics/20160316/1390874208.html>
4. Волхонский М. А. Шесть пунктов Медведева — Саркози. Дипломатический аспект урегулирования конфликта в Южной Осетии. — Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4—5.
5. Макаренко Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. 2011. № 1.
6. Мечиаури: сотрудничество с Россией в интересах Грузии // Россия сегодня, 13 мая 2016 г. URL: <http://sputnik-georgia.ru/interview/20160513/231644156.html>
7. Мониава Д. Сто дней Квирикашвили и соблазны консервативного ренессанса // Эхо Кавказа. 18 апреля 2016 г. URL: <http://www.ekhokavkaza.com/a/27682075.html>
8. Силаев Н. Ю. ГУАМ и «малая игра» на постсоветском пространстве // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 4.